Если в прошлом году Гарри радовался, что проведет рождественские каникулы в школе, то в этом он рассчитывал поехать на зимние праздники в Лондон, к Сириусу Блэку. Хотя после Хэллоуина они и не встречались лично, но Гарри постоянно переписывался с крестным, и тот звал его к себе на Рождество, заодно рекомендуя пригласить как можно больше друзей. Насчет последнего Гарри получил твердое обещание Гермионы, что она приедет к нему в конце каникул, а также уверения Рона, что если родители не удержат его силой, то он также не бросит друзей.

Кроме того, Сириус писал, что все праздники у него будет жить Ремус Люпин, а также на пару дней приедет профессор Локхарт. И через Поттера он послал приглашения родителям Гермионы и Рона. Сириус сообщил, что хорошо знал старших Уизли, так что Гарри уверился, что увидит друга на каникулах.

Первые трудности возникли, когда Гарри внес свое имя в списки школьников, уезжающих на праздники из Хогвартса. На следующее утро сразу же после завтрака профессор МакГонагалл попросила его зайти к ней в кабинет.

— Мистер Поттер, я увидела вашу фамилию в списках и несколько удивилась, — декан Гриффиндора сурово поджала губы. — Насколько мне известно, вы не планировали ехать на каникулы к своим опекунам, и мне бы хотелось знать, где вы планируете провести это время.

Гарри мысленно ухмыльнулся, вспоминая свое удивление, когда профессор Локхарт передал ему донельзя официальную бумагу, которую Сириус оформил в министерстве. Но преподаватель популярно объяснил, что администрации школы вовсе не улыбается нести за Поттера ответственность, случись с ним что-нибудь на каникулах. Гарри не особенно любил всякую бюрократию, но в данном случае он признал ее необходимой. А когда до него дошел весь смысл переданной бумаги, он готов был запрыгать от радости.

— Я буду жить на каникулах у моего опекуна, мэм, — Гарри ловко извлек из кармана столь ценную бумагу. — Вот его разрешение на то, чтобы я покинул школу.

Профессор МакГонагалл с очевидным удивлением читала, что с первого декабря этого года Министерство Магии официально признало единственным законным опекуном Гарри Поттера Сириуса Блэка, который и выписал ему это разрешение. К удивлению Гарри, его декан достала свою палочку и, что-то прошептав, направила ее на бумагу. Гарри с интересом уставился на золотистое сияние, которое разлилось над буквами.

— Прошу простить меня, мистер Поттер, но я обязана проверять все бумаги подобного рода, — чуть смущенно заявила профессор. — Вы, возможно, не знаете, но министерство накладывает специальные чары на документы, благодаря которым всегда можно проверить их подлинность. Это очень удобно, и Хогвартс тоже использует подобного рода магию, например, когда нужно получить разрешение от родителей учеников на посещение ими Хогсмита.

Гарри помнил о том, что старшие ребята, начиная с третьего курса, на выходных могут навещать расположенную рядом с Хогвартсом волшебную деревушку. Сам он надеялся либо

хитрым образом уговорить Дурслей подписать разрешение, либо, по совету Рона, попробовать подделать его. На родственников он все же особо не рассчитывал, так они всю жизнь старались сделать так, чтобы ему жилось как можно хуже. Как теперь оказалось, его попытка немного смухлевать могла кончиться не очень хорошо. Впрочем, Гарри был уверен, что Сириус, в отличие от Дурслей, без проблем подпишет нужную бумагу.

Как известно, проблемы не ходят поодиночке, а сбиваются в стаи. На следующее же утро Рон получил от родителей письмо, в котором сообщилось, что они на Рождество едут в Египет, навестить своего старшего сына, Билла. А так как с деньгами в их семье было не густо, как заметил донельзя покрасневший Рон, то он с братьями и с сестрой останется на каникулах в школе.

Целое воскресенье ушло у них троих с Гермионой, чтобы написать старшим Уизли письмо, в котором они просили разрешить Рону провести каникулы у Сириуса Блэка. К нему же ребята не забыли добавить и приглашение самого Сириуса. Увы, но родители Рона остались непреклонны, и как подозревал сам рыжий гриффиндорец, причиной этого было то, что его мама, скорее всего, не слишком-то доверяла Блэку.

— В Пророке ведь про него столько всякого писали, — безнадежно махнул рукой Рон. — Наверняка она думает, что ему удалось попросту откупиться от министерства и что он виновен не меньше Петтигрю.

— Это же полная ерунда, — авторитетно заявила Гермиона. — Если бы это было так, профессор Локхарт никогда не стал помогать ему познакомиться с Гарри.

— Ты еще мою маму не знаешь, — вздохнул Рон. — Так что придется мне остаться на каникулах в школе.

— И ты останешься один? — желание не оставлять друга без компании боролось в Гарри с мечтой о Рождестве в кругу семьи. Ну, может быть, его крестный и вправду станет для него настоящей семьей. — Знаешь, я ведь могу поехать к Сириусу и летом.

— Брось, приятель, здесь ведь останутся Перси, близнецы и Джинни, — Рон слегка скривился, вспомнив о сестре. Не было сомнений, что старшие братья наверняка поручат именно ему развлекать ее на каникулах. — А тебе надо отдохнуть, как полагается. Лучше пришли мне чего-нибудь вкусенького на праздник.

Растроганный Поттер готов был послать другу все конфеты и пирожные, до которых он сможет добраться. Увы, но это не отменяло того, что на каникулах он Рона не увидит. Зато перед каникулами Поттер успел увидеть кое-кого другого.

За два дня до отъезда учеников из Хогвартса Гарри получил за завтраком письмо от Хагрида с просьбой зайти к нему вечером. Сразу же после занятий троица гриффиндорцев оказалась возле хижины лесника.

— О, наконец-то! — открыл им дверь Хагрид, который выглядел немного смущенным. — Вы, это, проходите, а то на улице холодно.

Едва войдя в хижину, ребята пораженно замерли на месте, увидев новое украшение домика лесника. Занимая большую часть свободного места, посреди комнаты гордо стоял огромный сверкающий мотоцикл. У Гарри сразу же возникло желание усесться на него, и он с трудом удержался от того, чтобы тут же потрогать эту сильную машину.

— Ух ты, ты приобрел мотоцикл? — Гарри перевел взгляд с техники на лесника. — А знаешь, он тебе подойдет. Будешь на нем натуральным байкером.

— Да, штука классная. Не знаю, кто такой «пайкер», но он тебе идеально подходит, — подхватил его мысль рыжий друг. — Покатаешь нас на ней?

— Так я б с удовольствием, — немного засмутился Хагрид, — только это не моя машина. Мне его Сириус Блэк отдал, когда я тебя, Гарри, в тот Хеллоуин забрал, когда, ну ты знаешь... В общем, теперь думаю, правильно будет ему назад вернуть. А раз ты, я слышал, к нему едешь...

— Ты хочешь, чтобы Гарри отвез его своему крестному? — удивилась Гермиона. — Но он же в поезд не поместится! А Гарри на нем и ездить-то не умеет.

К сожалению, подруга была права, так как Поттер с трудом представлял себя затаскивающего этого монстра в купе. А чтобы самому ехать на этой чудотехнике, ему надо было для начала стать минимум в полтора раза больше. А то было сразу видно, что у Гарри либо руки достанут до руля, либо ноги до педалей, но вот только никак не одновременно.

— Ну, он, конечно, великоват пока для вас, — разочарованно вздохнул лесник. — Тут-то я ним помог бы, а в Лондоне, глядишь, Сириус постарался бы. Он его, того, любил сильно. И вы, это, раз он вам нравится, если хотите, посидите на нем. Я его в порядке держал все эти годы.

Гарри тут же забыл все проблемы, связанные с этим механическим монстром, и мигом оказался в седле. Как он и предполагал, мотоцикл был ему откровенно велик, но все равно Поттер думал, что, сидя в седле, имеет очень мужественный вид. Нехотя уступив место Рону, Гарри начал обдумывать, как бы все-таки доставить этот мотоцикл Блэку. У него теплилась надежда, что крестный не откажется покатать его на этом монстре.

— Хагрид, а почему ты сам не отвезешь его? — Поттер подумал, что нашел выход. — И я мог бы тебе в этом компанию составить, ты же умеешь им управлять.

— Я б отвез, дык только ж я не могу так Хогвартс оставить, — вздохнул Хагрид. — А то бы давно Сириусу его прикатил. Он же еще и летает, вот. Я тогда с тобой на нем по воздуху и ехал.

— Ого, это вообще круто, — восхитился Рон. — У нас папа тоже магловскую машину купил и

заколдовал так, что она по воздуху ездит. Жаль только, эти министерские придиры не одобряют это, мол магловские изобретения заколдовывать нельзя!

— Точно, им бы все лишь запрещать, — поддержал его Хагрид. — Что животных интересных, что разные штуки полезные.

— И почему я не удивлена, что здесь не все чисто, — задрала нос Гермиона. — Хагрид, раз эта вещь под запретом, ее тем более нельзя везти Гарри. Конечно, мотоцикл намного удобнее метлы, но тут уж ничего не поделаешь.

Впрочем, найти выход из этой ситуации им все же удалось. После стремительного забега по Хогвартсу ребята добрались до кабинета профессора Локхарта. Тот тоже собирался погостить у Блэка, так что, по идее, мог помочь Гарри. А больше все равно просить помощи было не у кого. Правда, профессор был слегка недоволен их визитом, так как они с профессором Вектор опять проводили какие-то исследования, судя по тому, что дверь открылась далеко не сразу. Но все же он не стал отказывать ребятам в их просьбе.

— По крайней мере, у этой штуки руль должен быть на месте, — непонятно хмыкнул Локхарт.
— Ладно, любители летающей техники, доставлю эту игрушку в Лондон.

Когда они втроем уже подошли к гостиной Гриффиндора, Гермиона внезапно остановилась. У нее был задумчивый вид, и она слегка виновато смотрела на Поттера.

— Гарри, мы забыли предупредить профессора, что этот мотоцикл может летать. Надо сказать ему, а то вдруг у него будут неприятности с министерством, — Гермиона внезапно покраснела.
— Только давайте лучше сделаем это завтра, с утра. А то мы и так его побеспокоили.

— Ха, не будет никаких неприятностей с этой машиной, — весело заявил Рон. — Ты не забыла, что уже завтра мои родители будут в Египте. А папа как раз и занимается в министерстве подобными нарушениями. Так что ловить профессора будет некому!

— Понятно тогда, почему у него у самого есть летающий автомобиль, — фыркнула Гермиона. — Наверняка себя он не оштрафовал.

— Ну, Гермиона, мы же тоже не бежим докладывать об этом мотоцикле, — Гарри привычно загасил начинавший разгораться спор. — Конечно, утром можно и предупредить. Вот только, если вы не заметили, профессор и сам, похоже, знает об этом свойстве мотоцикла. Правда, непонятно откуда.

* * *

Если для большинства людей подготовка к рождественским праздникам заключается, в

основном, в походах по магазинам, то для тех, кто занимается политикой, это, в первую очередь, бесконечные визиты. И если бы не старательные соблюдения планов, тщательно прописанных в ежедневнике, Люциус Малфой никогда не сумел бы уложить в эту неделю все обязательные посещения нужных людей.

И если бы это были просто посещения, но ведь нет, приходилось с каждым прохвостом-чиновником пропустить бокальчик чего-нибудь горячительного, а с коллегами по несчастью, не обремененными на данный момент важными должностями, так даже и не один. Каждый вечер, возвращаясь домой на гудящих от напряжения ногах, Малфой тихо радовался, что еще одним днем мучений стало меньше. И оставалось лишь надеяться, что сможет дожить до блаженного праздника Рождества, когда никуда не нужно будет идти.

Привычно аппарировав к своему дому, Люциус заметил какую-то неправильность обстановки. Если бы он не был столь вымотан, то, возможно, и сумел бы как-то среагировать, когда эта самая неправильность, закутанная в черные одежды, запустила в него оглушающее заклинание, но, увы, обстоятельства оказались сильнее волшебника, и сознание Малфоя уплыло в неизведанные дали.

Приходить в себя после того как на голову пролился целый поток ледяной воды, это далеко не самое приятное занятие. Особенно если ты лежишь связанный на чем-то очень холодном, непонятно где, да еще в довесок и абсолютно голый. Точнее, не совсем голый, но повязка на глазах все же явно не тянула на гордое слово «одежда». Малфой попытался представить, что могло послужить причиной пребывания его в столь плачевном состоянии, но ему не дали этого сделать.

— Рад видеть вас, мистер Малфой, — насмешку в грубом голосе распознал бы и горный тролль.
— Давно хотел обсудить с вами пару вопросов, да вот все случая не было. А тут столь удачная встреча.

— Кто вы, и что вам надо? — хрипло пробормотал Люциус, стараясь понять, где он находится.
— Вы должны понимать, что у вас теперь будут проблемы, я не простой человек.

Тут же повязка с глаз Люциуса была грубо сорвана, и на несколько секунд он ослеп. Но, к сожалению, не оглох.

— Запомни, тварь, теперь проблемы будут исключительно у тебя, причем, скорее всего, летальные, — прорычал его пленитель. — А чтобы тебе стало понятно, что тебя ждет, попробуй на вкус вот это!

Сильная рука схватила ладонь Малфоя, а через миг Люциуса пронзила дикая боль. Он начал орать, но в его рот, разбивая губы, был безжалостно вбит кляп. Но зато к Малфоя вернулось зрение, и он попытался разглядеть своего врага. Увы, у мужчин, из-под закрывавшей лицо черной маски были видны одни только глаза. Все, что мог определить Малфой, это немалый рост пленившего его человека, но этого было явно недостаточно для опознания. У Люциуса забрезжила надежда, что его все же не станут убивать, ведь иначе похитителю не имело бы

смысла прятать лицо.

— И это был только один палец, — насмешливо заметил его мучитель, глядя Малфоя прямо в глаза. — А у тебя их еще девятнадцать, да и другие отростки имеются. Так что давай считать, что мы закончили прелюдию, и приступим к делу.

* * *

Фенелли ожесточенно тер свои руки над раковиной, словно пытаюсь смыть грязь, налипшую на них после общения с Малфоем. Увы, поскольку она существовала не в реальности, а в его воображении, то занятие это было довольно бесперспективным. Интенсивный допрос вообще занятие весьма неприятное, а после нескольких месяцев постоянного общения с детьми оно показалось Карло отвратительным вдвойне. Он бы с удовольствием обошелся без этого удовольствия, однако дело для Карло было выше личных чувств.

Если список упиванцев, оставшихся после прошлой войны на свободе, не стал для Фенелли чем-то новым, то вот список активно сочувствующих им типов, не запятнанных темной меткой, пришелся весьма кстати. Теперь становилось понятным, почему Волдеморту удалось с такой легкостью терроризировать магическое сообщество, ведь чуть не половина сотрудников Министерства Магии была готова без лишних вопросов поддержать так называемого Темного Лорда. Причем не просто сотрудников, а людей, обладающих реальной властью.

Но в первую очередь Карло интересовали деньги, которыми обладали упиванцы. Волдеморту мог быть сколь угодно крутым волшебником, однако без денег его организация была практически не опасна. Министерские клерки готовы были за галлеоны с огромной радостью помогать упиванцам, но бесплатно они работать не желали категорически. А вот с деньгами все оказалось не так здорово, как первоначально полагал Фенелли.

По оценке Малфоя, подтвержденной тремя сломанными пальцами, нужные деньги организации на первых порах мог дать только он. Из оставшихся на свободе упиванцев ни один не обладал суммой, составляющей хотя бы десятую часть капиталов Малфоев. Да и денег Люциуса хватало лишь на поддержание нужных связей, если, конечно, оценивать его возможности в долгосрочной перспективе. Ну, или на одну серьезную попытку захвата власти.

Но всю эту оптимистичную картину портило одно большое «но». У упиванцев, ныне благополучно пребывавших в Азкабанах, денег было намного больше, и, самое главное, добраться до этих типов не было никакой возможности. Теперь Фенелли стало ясно, что свое время Крауч-старший повел активное финансовое наступление на Волдеморта, одного за другим бросая в тюрьму или объявляя вне закона его самых богатых сподвижников, причем не особенно заботясь о доказательствах. По сути, Люциуса спасло от Азкабана лишь преждевременное исчезновение его хозяина, когда все решили, что война закончилась сама собой. Так что Малфой должен был бы носить Поттера на руках в благодарность за свое спасение.

Становилось вполне очевидным, что, если лишить Волдеморта возможности добраться до денег Малфоя, тому ничего не останется, как сразу же после возрождения вызвать своих подручных из Азкабана. Или же не сразу, но к достаточно серьезным действиям он в любом случае сможет приступить лишь после того, как в его руках окажется приличное количество денег. А захват Азкабана ясно скажет всем, что Волдеморту вернулся, ведь теперь свалить все грехи на Сириуса Блэка у министерства не получится при всем желании. А то в оригинальной версии истории у упиванцев был целый год, для того чтобы тайно подготовить нужные плацдармы в министерстве. Этого времени у них теперь, случись что, не будет.

Как оказалось, Люциус проявил в отношении своего сына достаточно здравого смысла, чтобы в случае смерти или лишения дееспособности старшего Малфоя, Драко не смог надеть глупостей. Пока Малфой-младшему не исполнится 31 год, он не мог полностью распоряжаться семейными капиталами, а вместе с Нарциссой получал бы лишь сравнительно небольшое содержание. Конечно, и этих денег им гарантированно хватит на вполне обеспеченную жизнь, но вот растратить основной капитал молодой горячий парень будет не в состоянии. Вполне логичное решение, тем более что Малфой-старший наверняка рассчитывал, что, повзрослев, его сын уже не будет сломя голову лезть во всякие авантюры. И главное, Волдеморту в ближайшие годы этих денег не видеть, как своих ушей.

После получения этих сведений Люциуса, по большому счету, можно было смело убирать, однако тут вступала в свои силы жестокая арифметика войны. Как бы то ни было, Драко вполне может пойти служить Волдеморту, поэтому, чем меньше у него будет ресурсов, тем лучше. А уже давно не секрет, что инвалид в качестве обузы гораздо предпочтительнее, чем труп. На поле боя один раненый требует двух человек для эвакуации, а на содержание неспособного полноценно трудиться ветерана требуется не меньше средств, чем на здорового человека. Именно поэтому современные противопехотные мины призваны не столько убивать людей, сколько калечить.

В применении к Малфойу эти рассуждения означали многократный Обливейт, коим и угостил его Фенелли. А с учетом того, что и одиночного применения этого заклинания в исполнении бывшего хозяина тела вполне хватало, чтобы человек превращался в забывшего все на свете идиота, то Малфой гарантированно переставал быть проблемой для всех, кроме членов своей семьи. Оставив себе содержимое кошелька Люциуса, дабы доблестный ДМП мог польститься на версию об ограблении, Фенелли доставил пускающую пузыри тушку Малфоя на центральную улицу Хогсмита, где благополучно и расстался с ним. Ввиду вечернего времени прохожих не наблюдалось, но ярко горящие окна заведения мадам Розмерты ясно говорили, что весьма скоро тело Малфоя обнаружат расходящиеся по домам посетители. Карло мог с чистой совестью направиться домой.

* * *

Каникулы сами по себе праздник для любого школьника, а для Гарри Поттера они, помимо всего прочего, стали первым Рождеством, проведенным в кругу семьи. Если прошлой зимой для него Рождество стало первым, проведенным в своем доме, которым он признал Хогвартс, то на этот раз все было чуточку иначе. Смешливый, вечно постоянно фонтанирующий идеями Сириус и стеснительный и осторожный Ремус удачно дополняли друг друга в роли

коллективного «дяди» Гарри. С ними он очень быстро стал общаться как со своими родными людьми, чего не было даже с профессором Локхартом. Тот всегда был старшим другом, но Гарри не хватало рядом с собой именно близкого человека.

В доме на площади Гриммо, кроме самого Сириуса, жили Ремус Люпин и домовик Сириуса, Кричер, который от старости и долгого одиночества попросту сошел с ума. Он постоянно бродил по всему дому, делая вид, что прибирается, но неизменная грязная тряпка, с которой он таскался, вряд ли смогла бы хоть что-нибудь очистить, скорее уж наоборот, пачкала все, чего касалась. Это странное существо оказалось фанатом чистокровности почище Малфоя и вечно бурчало себе под нос оскорбления Сириусу за то, что тот водится с оборотнями и прочими недостойными типами. Гарри заметил, что крестный попросту игнорирует старого слугу, не обращая внимания на его явное сумасшествие.

— Он набрался дурных идей от моей мамы, известной маглоненавистницы, — махнул рукой Блэк, когда Гарри поинтересовался у него их странными взаимоотношениями с эльфом. — Я для него враг семьи, предавший идеалы рода Блэков. Вправлять ему мозги уже бесполезно, а выгонять жалко, вот и мучаюсь с ним.

Гарри попробовал пару раз заговорить с эльфом, но, узнав в ответ, что он тоже недостойный тип, поскольку его мама была маглорожденной, решил следовать примеру крестного и по возможности игнорировать старика. Точно так же Гарри поступал и с портретом матери Сириуса, обладавшим скверным характером, который висел в холле. Тем более тот, в отличие от Кричера, не мог передвигаться по дому.

Естественно, Гарри с крестным не сидели на каникулах дома, а бывали во всяких интересных местах. Они нагулялись по Лондону, посетили зоопарк, где Гарри показал крестному знаменитую клетку с питоном, и несколько раз были в кино. Последний фильм, который они посмотрели, был «Затерянный мир».

— Действительно классный фильм! — довольно заявил Сириус, войдя в гостиную и упав в кресло. — Даже не представлял, что такое можно снять без помощи магии! Нет, все, нам с Ремусом надо срочно бросать работу и идти в кинобизнес!

— Будем снимать фильмы про твои похождения? — поинтересовался оборотень, вышедший к ним из своей комнаты. — Сюжетов хватит на десяток картин.

— Ха, мы будем делать фильмы о чудовищах! — бодро заявил Блэк. — Ты бы знал, каких монстров мы с Гарри увидели в фильме. Жалко, что в школе о них не знал, можно было бы сделать крутые иллюзии, поугаать слизеринцев!

Мимо них прошлепал Кричер, пробурчавший что-то о «недостойных истинного волшебника развлечениях».

— Сириус, ты пошел работать? — удивился Гарри, привычно пропустивший мимо ушей ворчание эльфа. — Тебе же, наверное, сейчас можно было и отдохнуть хотя бы полгода. Сам же

упоминал, что колдомедики это советовали.

— Ерунда, если их слушать, так лучше вообще не жить, — ухмыльнулся крестный. — А с этой работой полный анекдот получился, вот я и стеснялся рассказывать.

— Ты стеснялся? — рассмеялся усевшийся рядом с другом Люпин. — Не уверен, что ты даже знаешь, что означает это слово.

— Ну вот, опять поклеп на бедного меня, — притворно надулся Блэк. — Ну что же, раз вы такие злые и мне не верите, расскажу всю историю!

Но в этот раз услышать о похождениях крестного Гарри не удалось, так как за окном раздался леденящий душу рев.

— Я узнаю звук, это он! — заорал Сириус и бросился к двери. За ним последовали и Гарри с Люпином.

Выйдя на площадь, Поттер увидел восседавшего на мотоцикле Сириуса профессора Локхарта. Сам хозяин чудовищной машины с восторгом бегал вокруг своего монстра и время от времени радостно обнимал Локхарта. Только спустя десять минут общими усилиями им удалось слегка успокоить Блэка и закатить чудо техники в холл, где к крикам хозяина дома добавились вопли портрета матери Сириуса. Тут уж досталось и непутевому сыну, и его друзьям, и вонючему порождению магловского мира.

— Ну, ничего, завтра я его приведу в порядок, а потом мы с Гарри покатаемся! — радости Блэка не было предела. — Сколько раз мы на нем с Джеймсом летали! А сейчас возвращение блудного мотоцикла надо отметить! Локхарт, надеюсь, ты пропустишь с нами стаканчик другой? Пошли в гостиную.

— Не откажусь, — войдя в комнату, профессор стянул краги и бросил их на журнальный столик. — После этого сиденья ноги не разогнуть, так что слегка расслабиться будет не вредно.

— К моему малышу надо просто привыкнуть, — усмехнулся Сириус. — Я в молодости мог неделю с мотоцикла не слезать.

Дальше все почти час слушали рассказы о великом и могучем мотоцикле и о езде на нем Сириуса. По мере того как трое мужчин опустошали бутылку огневиски, скорость мотоцикла все росла и росла, а маневры, которые он выделывал, становились все круче и круче.

— Кричер, оставь перчатки в покое! — Гарри заметил, что прокравшийся к столику домовик нацелился на краги Локхарта. — Извините, профессор, но этот старый эльф совсем сошел с ума. Лучше, чтобы он не трогал ваших вещей.

— Оставь, Гарри, даже если утащит, не проблема, — отмахнулся Локхарт, но при этом в глазах профессора появилось странное удовлетворение. — И кстати, пока мы тут сидели, мне кое-что пришло в голову. Помнишь тот дневник, что летом Малфой подкинул Джиневре Уизли, сестре твоего друга?

— Точно, сэр, вы же сказали, что отдали его профессору Дамблдору, а больше мы о нем не слышали, — Поттер обратил внимание, что все, кто был в комнате, включая домовика, прислушиваются к их разговору. — Вы говорили, что в нем присутствовала какая-то темная магия, но я подумал, что директор еще не разобрался с ним.

— Ну почему же, разобрался, — профессор загадочно улыбнулся. — И даже вернул мне его обугленные остатки, уже напрочь лишённые любого волшебства. Правда, он при этом не сказал, что там было, но это уже и не важно.

— Узнаю старика, — хмыкнул Сириус. — Меня еще в те годы раздражало, что он стремится все засекретить. Похоже, ничего не изменилось.

— Конечно, обидно, что секрет дневника останется тайной, но почему для вас неважно, что это было? — удивился Гарри. — Разве вам самому не интересно?

— Ну... — Локхарт выдержал драматическую паузу. — Видимо, потому, что я и так знал, что это такое. А к профессору Дамблдору обратился для перепроверки. Так что его молчание лишь подтвердило мой диагноз.

— И что же этот тип подкинул девочке? — в голосе Сириуса послышалась угроза. — У него от безнаказанности вообще мозги поехали? За такие шутки надо ноги обрывать, по самую шею.

— Хм, не знаю, слышали ли вы о подобных вещах, — Локхарт пристально посмотрел на Сириуса, — но дневник оказался крестражем Волдеморта.

Гарри действительно никогда не слышал этого слова, но вот его крестный, похоже, знал, что из себя представляет этот самый крестраж. Мгновенно протрезвевший Сириус вскочил, откинув в сторону кресло, и в упор уставился на Локхарта. Нахмурившийся Люпин хоть и остался сидеть, но тоже впился взглядом в профессора.

— Ты хочешь сказать, что этот урод сделал себе крестраж и доверил его Малфою? — недоверчиво поинтересовался Сириус. — Но зачем бы он тогда подкинул его Уизли?

— Дневник впитывал энергию писавшего в нем человека, — Локхарт отхлебнул из стоящего рядом с ним стакана. — Думаю, Малфой рассчитывал таким способом возродить своего хозяина.

— Убив при этом девочку? — с отвращением поинтересовался Ремус, и, получив

утвердительный кивок, обложил Малфоя отборными ругательствами.

Сириус с Ремусом захотели узнать всю историю об этом дневнике, и Локхарт с охотой поведал им о нем. Гарри, хоть и участвовал в этих событиях, тоже слушал с большим интересом, так как профессор вспоминал детали, ускользнувшие от него. Даже Кричер, забыв обычное ворчание, ловил своими настороженными ушами каждое слово Локхарта.

— Может быть, ты все же ошибся? — осторожно поинтересовался в конце Люпин. — Нет, что Малфой подсунил Уизли что-то очень темное, я не сомневаюсь. Но крестраж...

— Я бы тоже не был так уж сильно уверен, особенно когда от дневника почти ничего не осталось, — хмыкнул Локхарт, залезая рукой в карман куртки. — Но вот собрат дневника не оставил мне сомнений. Я хорошенько полазил по забытым уголкам Хогвартса и нашел кое-что интересное.

Профессор небрежно положил на стол какое-то женское украшение, напоминающее маленькую корону, и Гарри недоуменно посмотрел на крестного, пытаясь понять, правильно ли он понял Локхарта. Сириус нервно сглотнул и, достав палочку, принялся усиленно махать ей рядом с этим предметом.

— Что в ней есть нечто темное, понятно, — пробормотал он. — Но вот что именно? Лунатик, попробуй ты.

К исследованию украшения подключился Люпин, который делал это в пять раз дольше, чем Сириус. Но и он не смог до конца определиться, что это за штука, хотя то, что она на редкость гадостная, он подтвердил полностью.

— Понятно, что эту вещь надо в любом случае уничтожить, — резюмировал Сириус. — Локхарт, только не говори мне, что она случайно оказалась сегодня у тебя. Почему ты принес ее нам, а не Дамблдору.

— Если бы ты обратил внимание не только на магию этой вещицы, но и на нее саму, то не задавал бы этот вопрос, — Локхарт указал рукой на украшение. — Перед тобой сама диадема Рейвенкло. И я сильно сомневаюсь, что у директора Хогвартса хватит воли уничтожить ее.

Если Гарри правильно его понял, то это украшение когда-то принадлежало одной из основательниц школы. Тогда получалось, что директору действительно не хотелось бы его уничтожать. Поттер вспомнил альбом с фотографиями родителей и представил, что кто-нибудь наложил на них жутко темное проклятие. И если от него можно было бы избавиться, лишь уничтожив фото, Гарри предпочел бы, чтобы это сделал кто-нибудь другой, а не он. Если бы он вообще решился уничтожить подобную ценность.

— А что такое крестраж? — увидев, что взрослые больше не машут палочками, а просто смотрят на диадему, Гарри решил наконец узнать, что же именно лежит перед ним. Гермионы,

которая обычно знала все обо всем, рядом, к сожалению, не было. — И чем эта штука так опасна?

— Крестраж — это порождение самой темной магии, — задумчиво произнес Сириус. — Осколок души волшебника, который не позволяет ему окончательно умереть при любых обстоятельствах. Его якорь в этом мире.

— Но что же здесь плохого? — не понял Гарри. — Это же возможность вечной жизни.

— Формально да, — Сириус внимательно посмотрел на него. — Но чтобы сотворить крестраж, нужно расколоть собственную душу. Человек после такого превращается в чудовище.

— И для того, чтоб сделать это, — уточнил Люпин, — надо совершить ритуальное убийство. Правда, это все, что я о них знаю.

— Их очень трудно уничтожить, я лично знаю лишь два способа, — Локхарт виновато пожал плечами. — И не могу воспользоваться ни одним из них.

Теперь Гарри с отвращением смотрел на предмет, которому был обязан летней встречей с Волдемортом. Получается, эта тварь еще и неубиваема, пока целы эти самые якоря. Но если Локхарт притащил его сюда, значит, он рассчитывал, что Сириус сможет ему помочь избавиться от этой дряни! Судя по всему, подобная мысль пришла в голову не одному Поттеру.

— Выкладывай, как можно извести эту мерзость, — Сириус невесело усмехнулся. — Догадываюсь, что делать это придется мне. И наверняка здесь скрыта какая-то гадость.

Заметив, что профессор время от времени бросает взгляды в угол комнаты, Гарри осторожно посмотрел туда же и увидел, что там, в относительной темноте, затаился Кричер. Эльф выглядел необычно для себя и походил сейчас не на безвольного старика, а на хищника, приготовившегося к броску. Он буквально пожирал глазами Локхарта. На всякий случай Гарри положил свою руку поближе к спрятанной в кобуре палочке.

— Лично я знаю лишь два способа уничтожить крестраж, хотя наверняка их больше, — Локхарт развел руками. — Эти два: яд василиска и Адское пламя.

— Ничего себе у тебя запросы, — выдохнул Люпин. — Последнего василиска лет триста назад убили, как я читал.

— Зато с Адским пламенем проблем не будет, — лицо Сириуса сделалось жестким. — Я понял, ты не владеешь этим заклинанием, да и мы тоже. Но у меня должна быть книга, где оно описано, так что думаю, справлюсь с этим. А пока я готовлюсь, Ремус посмотрит, нет ли у меня в библиотеке чего-нибудь по крестражам. Это все равно займет два дня, не меньше.

Гарри подумал, что профессор Локхарт не ошибся, обратившись за помощью к Сириусу. Его крестный демонстрировал полное равнодушие к тому, что придется уничтожить столь ценный предмет. Поттер был уверен, что большинство людей испытали бы жадность и желание сохранить драгоценность, однако для Сириуса важным было то, что эта диадема воплощает в себе зло.

— Если мой благородный хозяин позволит, его слуга просил бы оказать ему милость, — раздался неожиданно четкий голос домовика. — Кричер нижайше просит хозяина уничтожить заодно еще один темный предмет.

Сириус удивленно смотрел на эльфа, внезапно заговорившего вроде бы нормальным тоном. Гарри тоже удивился подобной перемене в домовике. Повинуясь интуиции, Поттер посмотрел на Локхарта и обнаружил, что тот смотрит на эльфа с полным одобрением, как будто зная, что тот хочет сказать. Гарри решил позже обсудить это наблюдение с друзьями.

— Кричер, покажи, что за темный предмет ты отыскал, — Сириус придал себе строгий вид. — Я, конечно, знаю, что в доме достаточно темных артефактов, так что такое особенное ты нашел?

Домовик резво бросился из комнаты и через минуту вернулся, испачканный паутиной, и с испуганным видом положил на стол медальон зеленого цвета. На его крышке серебрилась большая буква «S».

— Ого, похоже, сегодня у нас день памяти основателей, — ухмыльнулся Локхарт. — Если я не ошибаюсь, это медальон самого Салазара Слизерина. Не думал, что Блэки его потомки.

Сириус недоуменно посмотрел на профессора, а затем по его лицу стало понятно, что у него появилась какая-то идея. Выхватив палочку, Сириус принялся энергично махать ей, почти выкрикивая заклинания. Закончив свои действия, Сириус громко выругался.

— Крестраж это или нет, но суть темной магии в обоих предметах идентична, — Блэк строго посмотрел на Гарри и Ремуса. — Господа, если у кого-нибудь еще имеются подобные подарки, лучше выкладывайте их сразу. Я сегодня уже ничему не удивлюсь.

Поскольку никто не спешил сознаться, что прячет в кармане еще парочку крестражей, Сириус покачал головой и аккуратно отнес оба темных предмета в сейф, стоявший в его комнате. Вернувшись, он подозрительно осмотрел домовика, который по-прежнему торчал посреди гостиной.

— Так, Кричер, эту дрянь я, разумеется, уничтожу, — эльф счастливо заулыбался, — но для начала будь любезен поведать нам, где ты ее добыл! А потом посмотрим, нет ли там еще чего-нибудь столь же «милого».

* * *

Если есть возможность приобщиться к новым знаниям, никогда не следует отказываться от нее, тем более если эти самые знания могут оказаться весьма полезными. Фенелли не понаслышке знал, что наличие огнемёта еще никому не мешало, поэтому с энтузиазмом принялся изучать заклинание Адского пламени вместе с Сириусом. Как и ожидал Фенелли, тот не собирался отказывать в доступе к не совсем разрешенной литературе человеку, который помог ему выйти из тюрьмы, а после еще и вернул доброе имя его брату, хотя бы в глазах самого Блэка. Заодно Сириус предложил Карло жить на площади Гриммо, сколько тот пожелает. Поскольку Септима на эти дни все равно гостила у мамы, Фенелли, не раздумывая, принял предложение.

В итоге Сириус и Карло два дня практически не вылезали из библиотеки, готовясь известить крестражи. Так как Ремус был занят поиском заклинаний, позволяющих диагностировать крестраж, Поттеру, чтобы он не скучал, вручили книгу по магии иллюзий с наказом удивить окружающих своими смелыми экспериментами. Видимо, картина динозавриков, бегающих по Хогвартсу, грела душу Блэка, поэтому он всячески расписывал Поттеру возможные плюсы подобного использования волшебства.

Сам по себе вызов Адского пламени не представлял особого труда, но вот его контроль требовал немалых сил и, кроме того, учета множества ограничений. Да еще и язык, которым была написана книга с описанием этого заклинания, не отличался простотой и четкостью, так что работа над ним немного затянулась. С точки зрения Фенелли, в этом не было ничего неожиданного, ведь в любом серьезном деле для достижения эффективности приходится основательно потрудиться. А уж истину про то, что сначала надо десять раз отмерить, а потом уже смотреть отрезать или нет, любой сапер гарантированно выучивает назубок.

Благодаря подобной тщательности, проявленной Фенелли и Блэком, первым решил свою задачу Ремус, которому наконец удалось отыскать заклинание распознавания крестражей. Это, конечно, если не считать Поттера, умудрившегося к концу первого же дня изучения новой книги сотворить иллюзорный порожек в гостиной. В итоге взрослые весь вечер переступали через него, пока Сириус не заметил довольную ухмылку Гарри и не заподозрил неладное.

— Мерлин и Моргана! — Блэк пораженно смотрел на лежащие на столе диадему и медальон. — Я, признаться, до конца не верил, что это действительно крестражи. Чтобы сотворить даже один, надо быть полным уродом, а уж три! Да у него вообще от души считай ничего не осталось.

— И после того, как вы их уничтожите, Волдеморт больше не сможет вернуться? — с надеждой поинтересовался Поттер. — Это было бы здорово!

— Если это произойдет, то жить действительно станет спокойнее, — Фенелли прекрасно понимал чувства мальчика, но не думал, что ему стоит дарить ложную надежду. — Но я бы не был таким оптимистом.

— Ты думаешь, это еще не все?! — Блэк смотрел на Карло как на сумасшедшего. — Сколько же всего их может быть?

— На самом деле неважно сколько их, для гарантии стоит рассчитывать, что у Волдеморта всегда останется в запасе один или два, — Фенелли не слишком доверял методике уничтожения этого темного мага, предложенной Дамблдором. К примеру, узнав о том, что один или несколько его крестражей уничтожены, Волдеморту вполне мог сделать еще парочку, и так до бесконечности. Конечно, вполне могло быть какое-то физическое ограничение на их количество, но следовало исходить из того, что он может их клепать без ограничений.

— Приятно общаться с оптимистом, — невесело заметил Люпин. — Теперь придется думать, как победить бессмертного волшебника, если он возвратится.

— Профессор Дамблдор говорил мне, что зло невозможно уничтожить, но если раз за разом отодвигать его приход, то, возможно, оно не придет никогда, — Гарри вспомнил свою беседу с директором после не слишком удачной попытки спасения Философского камня. — Может быть, он имел в виду как раз это?

— Что имел в виду Дамблдор, знает только сам Дамблдор, — мудро заметил Сириус, убирая крестражи себе в карман. — А нам пора заняться делом. Гарри, мы с Локхартом пойдем разбираться с этой дрянью, это в любом случае ненадолго. А потом я предлагаю отправиться всей компанией туда, где поменьше народа, и хорошенько проветрить мозги от всей этой темной магии. Замутим вчетвером мини-квиддич, по старой памяти. Так что дуй в подвал и подбирай нам метлы на всех, там их не меньше двух десятков хранится. Только уж совсем антиквариат не бери.

<http://tl.rulate.ru/book/53474/1352702>